

ВЛАД РАЙБЕР

ПЛАКАЛЬЩИК

Влад Райбер

Плакальщик

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69965443

SelfPub; 2024

Аннотация

Я мертвенно красив, бледен и холоден. Мои черты схожи с людьми. Так они выглядят, когда умирают. Мои веки влажные и будто распухшие от слёз, а уголки губ направлены вниз. Мне не грустно. Просто моё лицо всегда такое. Поэтому люди называют меня Плакальщиком. Но это я заставляю других плакать... «Плакальщик» – новый сборник из тринадцати страшных и увлекательных историй писателя ужасов Влада Райбера.

Содержание

Плакальщик	4
Мёртвый дом	18
Ничей этаж	31
А ты пожелай!	45
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Влад Райбер

Плакальщик

Плакальщик

Дверь на замке. Между окнами и плотными шторами нет и щёлочки, что пропустила бы луч света. На полу скапливался мелкий сор. Хлеб в пакете покрылся зеленоватой и чёрной плесенью. На плите прокисли остатки супа в кастрюле.

Я сидел в квартире тихо, притворялся, будто меня здесь нет. Я знал, что ОНИ слушают. Ждут, когда я выдам своё присутствие.

Желудок рычал от голода, но я не мог выйти наружу, чтобы раздобыть еду. Страх сковывал тело от одной мысли об этом. Я знал, что ОНИ ждут меня там.

Эти шорохи и голоса за дверью. То один, то другой, а то сразу несколько собирались за порогом. Вынюхивали, выслушивали... Кто-то из них шмыгал носом в замочную скважину, кто-то прижимался ухом к двери и хрипло шептал другим: «Тихо! Тихо!».

ОНИ уже нашли меня, но пока не могли войти. Это было вопросом времени. Я знал, что среди них найдётся тот, кто ломает дверь. Им просто нужен достаточный повод для этого. Такая у них игра: «Давай! Скрипни половицей, и мы

вломимся к тебе!».

Когда в подъезде тишина, я всё равно хожу неслышно. Двигаюсь медленнее часовой стрелки. Не роняю ни единого звука. Мелкая капля из крана, упав в раковину, создавала больше шума, чем мой шаг.

Пришёл вечер и в тёмной квартире стало черным-черно. И опять ОНИ подступили к порогу. Никто из них не пытался этого скрыть. Тишину разорвали хрипы, свистящее дыхание и мокрый кашель. Эти твари не умеют быть тихими. Их тела всегда издают гадкие режущие слух звуки.

ОНИ слабы поодиночке, но опасны, если сбиваются в кучу. Поэтому мне так страшно.

Когда дёрнулась ручка, я забыл о правилах тишины и протопал по полу, спрятавшись за угол дивана. Думал: сейчас ОНИ вломятся. Но это была их уловка.

Их шепчущая речь трудноразличима, но по сочетанию звуков можно было разобрать: «Слышали? Он там!».

ОНИ опять дёрнули ручку! Потом загалдели и, кажется, договорились разыскать того, кто раскурочит эту дверь.

Разошлись... Только холодильник тихо гудел, часы тикали и редко капал кран. А я всё так и прятался за диваном. Каким жалким я стал!

Никогда раньше я не чувствовал себя жертвой. Эти страшные существа сделали меня осторожным и вздрагивающим от вида собственной тени. Я навлёк на себя их гнев. И почему их так много в этом старом доме?

Но я не намерен уходить. С чего бы я должен уйти? Это мой дом! Если сбежать – они победят. Я не доставлю им такого удовольствия!

Мои худые руки стали ещё тоньше. Надо было что-то с этим делать, пока совсем не ослаб от голода.

Целая ночь прошла в раздумьях. Как можно спокойно забыться сном, когда точно знаешь, что на тебя объявлена охота?

Утром я, мучаясь от бессилия, пытался задремать, но не получалось. У меня всегда был развитый слух, а теперь он стал особенно острым. Я слышал стуки из-за стен, с потолка и с пола... Это бились их сердца! Десятки мощных сердец непрерывно работали, не совпадая друг с другом по ритму. Они играли, как неумелый оркестр. Шум не давал мне покоя, заставлял чувствовать себя зажатым в ловушке. Хотелось спрятаться подальше, убежать от этих звуков. Они дразнили меня и разжигали ярость.

Кое-как я заснул в углу на ковре.

Ещё один голодный день. Желудок уже не урчал, он прилип к позвоночнику. Вечером голоса за стенкой заглушили все остальные звуки и вырвали меня из сна.

Это был голос отца, который орал на своего сына, кидался злобными угрозами и унижал его. В этом доме могло происходить только такое...

– Так что заткни пасть, – шипел пьяный отец после гневной тирады.

– Я просто... – попытался объяснить сын.

Батя снова взорвался ненавистью:

– Я сказал заткни пасть! Ты дебил, поэтому у тебя всё просто! Ты – дебил. Понял меня?

– Понял... – в голосе пацана звучали обида и подавленный гнев.

– Громко и вежливым тоном! – приказал батя.

– Я всё понял! – чётко проговорил испуганный сын.

Мне казалось, что я знаю, как они выглядят, хотя никогда не видел их. Моё воображение не уступало другим чувствам и в голове сами собой рисовались яркие образы. Батя в пропотевшей футболке, с дыркой на подмыхе. Здоровый боров с пивным животом и зарослями на лице. Сын худой и испуганный. Такой же грязный, не приученный к чистоте.

– Вот так! И ещё раз вякнешь чето-нибудь – пинком под зад с лестницы полетишь. Ты тут никто! Понял? Я же тебе могу так треснуть, что ты сдохнешь, – пьяный был доволен унижениями пацана. – Ха! Ты же понимаешь, что я тебя раз в полную силу ударю и ты сдохнешь?.. Нет у тебя никаких прав... Права есть только у родителей, мелкое чмо!

И эти твари ещё удивляются, что за проклятье нависло над домом! Да они недостойны ничего другого! Они заслуживают только сгинуть!

И опять возня за дверью. Снова пришли ОНИ и привели сильных братьев. Я услышал этот тяжёлый голос и сразу понял, что двери не уцелеть:

– Полиция! Открывайте!

Я думал: что же мне делать? ОНИ разговаривали между собой.

– Как вас зовут? Никита, правильно?

– Сержант Пустынский. По фамилии меня называйте.

– Извините... Вы такой молодой. Сколько вам?.. Вы бы достали пистолет. Не человеческое это существо! Совсем другое!

– Разберёмся! Вскрывайте!

После этой команды раздался треск. Дверь ломали! Я за метался по квартире. Что же делать?! Что же делать?!

Даже такой голодный, я бы справился с любым из них один на один, но они ломались все сразу. Мне было нельзя показываться им на глаза. Моё существование – тайна. Я должен оставаться легендой, ночным кошмаром, небылицей. Никто не может увидеть меня воочию.

Я открыл окно и вполз на стену в тот момент, когда ОНИ вошли. Повиснув в ночной тишине, я слушал их плевки и кашель. Люди – чувствительные твари. Трупные человеческие ароматы для них – нестерпимый смрад. Не выносят собственного запаха. Что за идиоты?

Я висел над окном и слушал. Бояться уже было нечего – эти твари умеют ходить только по полу, поэтому они и не сообразят, что я затаился, прилипнув к стене фасада.

Их главный вбежал в квартиру. Он кричал: «Руки за голову!». Думал, я буду его дожидаться. Как же!

Ох, не понравится им тот зелёный труп хозяина квартиры в спальне... Ну, вот заголосили... Орут, будто им его жалко. Сами вспомнили о нём, спустя десять ночей, как я его убил, вырвав сердце. Лицемеры! Чтоб вы все сдохли наконец.

Пока они там вопили, я, цепляясь за стену, пополз вверх на чердак. Там мне будет лучше и спокойнее... Но лишь на время. Они нашли очередной труп. Это их окончательно взбесит. Они перероют весь дом в поисках меня. Ничего! Буду прятаться с места на место и гасить их поодиночке.

Под крышей оказалось жарко, воздух был напитан птичьим запахом. Меня это не беспокоило. Только голод мучил меня, а стуки снизу заставляли мозг трещать.

Я поселил ужас в сердцах жителей этого дома. Они колоутились с удвоенной силой. Стремительно сокращались, гоня кровь по их телам. Среди людей быстро распространились слухи о ещё одной жертве, что нашли в запертой квартире.

Всё тот же почерк – разорванная грудная клетка. Нет сердца. Моя работа!

Теперь им страшно. И повод есть. Кто-то из них этой ночью должен лишиться своего сердца, пока я не потерял разум от голода.

Те двое – отец и сын, казались подходящими жертвами. Они жили в своём мирке. Никого не заботило, что происходит у них за стенкой. Их пропажу не сразу заметят. Будет время набраться сил для следующего удара в борьбе с этими

тварями.

Мигающие машины уехали. Новые жертвы ждали меня. Хищные инстинкты требовали сделать это немедленно, однако я ждал, когда дом уснёт и сердечные ритмы его обитателей замедлятся.

Я мог расслышать характер боя каждого сердца в отдельности. Люди засыпали почти одновременно. Лишь редкие из них оставались бодрыми.

В нужный час я пролез в чердачное окно и как паук сполз к той квартире. С подбородка капала слюна. Я предвкушал момент, когда вопьюсь зубами в твёрдые мышцы, почувствую вкус крови. Моя жажда неутолима!

За стеклом было спокойно. Отец спал. Сын ходил по квартире на цыпочках.

Повиснув за окном, я взгляделся в своё отражение. Моё неживое лицо осунулось, щёки впали, но всё было не так плохо, как я думал. Люди считают мою внешность мерзкой, она заставляет их дрожать от ужаса. Но всё и должно быть так!

Я мертвенно красив, бледен и холоден. Мои черты схожи с людьми. Так они выглядят, когда умирают. Мои веки влажные и будто распухшие от слёз, а уголки губ направлены вниз. Мне не грустно. Просто моё лицо всегда такое. Поэтому люди называют меня Плакальщиком. Но это я заставляю других плакать...

Будто ветка дерева, тронутая ветром, моя рука слегка по-

стучала по стеклу. Пацан сразу обратил на это внимание. Его маленькое сердце забилося чаще.

Из-за постоянного отцовского психоза пацан научился ходить неслышно. Я и не заметил, как он подошёл к окну. Этот маленький человечёныш был таким, как я его представлял: грязный и худой отрок.

Его глаза были полны испуга, но я знал: он откроет мне окно. Все открывают. Мой взгляд завораживает их. Они всегда впускают меня, даже если знают зачем я пришёл.

Пацан медленно поворачивал ручку. Знал, что пришли за его жизнью, но всё равно не хотел будить отца. Он для него был ужаснее Плакальщика из страшной легенды.

Я влез в комнату, посмотрел на отрока сверху. Он ждал, пытаясь сообразить, что с ним будет дальше... Его маленькое пугливое сердце годилось на закуску, но не как главное блюдо.

За стенкой было кое-что пожирнее. Тот комок мышц звучал оглушительно громко, раздражающе и... аппетитно.

Я зашёл в комнату, залитую красным светом от телевизора. На экране жалкие человечки кипели ненавистью и самодовольством. Потребитель чужой злобы храпел в кресле.

А сердце-то у него было нездоровое. Но мне не важно, как мой кусок мяса справляется со своей работой.

Я встал между грязным человеком и экраном. Моя тень накрыла его. Он храпел и пускал слюни.

Мне стоило только протянуть руку, чтобы прорвать его

одежду, проколоть кожу и сломать кости. Люди так хрупки!

Пьяница открыл глаза, когда мои пальцы сдавили его сердце.

Я потянул... Его зрачки расширились от ужаса, когда он понял, что из него вынимают орган, но он не мог вскрикнуть и даже вздохнуть.

Его кровь обжигала мою холодную руку. В последнее мгновение жизни ненавистный человек успел увидеть собственное сердце в моих пальцах. Его взгляд сфокусировался на бордовом комке, а затем глаза погасли. В них не осталось живого блеска.

Он умер и тут же превратился в бесполезную оболочку. Но его сердце всё ещё было живо.

И зубами ухватить трудно – так оно трепыхалось! Я вкусил его с вожделением. Грыз, рвал, пережёвывал и глотал. Тёплые куски ползли по пищеводу, падали в желудок, и по телу разливалось чувство насыщения. Оно гасило мой невроз, облегчало страдания после стольких голодных ночей.

Мой обострённый слух притупился. Теперь я слышал только своё чавканье. В эту секунду всё вокруг стало казаться мне прекрасным. Даже этот труп с остекленевшим взглядом и вскрытой пустой грудью.

У моего кровавого пиршества был зритель. Сын пьяницы наблюдал из-за двери. По характеру звуков его тела я читал, что он чувствует облегчение. Источник его вечного страха мёртв. Он больше никогда его не обидит и не унизит.

Мой аппетит был удовлетворён. Я больше не желал его сердца, а потому не считал нужным сожрать ещё и его. Я не собирался его убивать. Впервые с начала своего существования, мне не хотелось уничтожить кого-то. Мне казалось, что я и этот маленький человек имеем что-то общее. Мы оба одиноки. Мы оба чувствуем облегчение.

Я вышел из комнаты, худой пацан отступил в сторону. Теперь в нём был покой. Он знал, что ему ничто не угрожает. Он видел: страшный Плакальщик уползает в ночь.

Пацан закрыл за мной окно. Наш молчаливый договор вступил в силу.

Я решил не возвращаться на чердак. Не хотелось спать в жаре. На сей раз я выбрал такой же тёмный, но холодный подвал. Влез в маленькое окно, вытянулся на сыром полу и спокойно уснул.

Моё чувство покоя похоже на несуществование – освобождение от бремени жизни. И я наслаждаюсь этим временным состоянием.

Утром, сквозь купол сна до меня доходили голоса. В квартире надо мной начались последствия того, что было сделано недавно. Маленький человек позвал на помощь.

В дом пришла пожилая женщина – родственница выжившего свидетеля. Она пыталась утешить пацана:

– Ой! Что же это делается? Какое несчастье. Ты мой хороший, не переживай. Я тебя не оставлю. Будешь с бабушкой жить. Твой отец меня и на порог не пускал, а теперь я буду

о тебе заботится, пока жива. Всё утрясётся! Жалко папку?.. Ты сильно не переживай!

Да он и не думал скорбеть! Когда его бату вынесли из квартиры, этот негодник так и ликовал. Сердце пацана радостно колотилось.

Интересно: с точки зрения человеческой морали, я сделал доброе дело?

Ещё никогда мои действия не играли на руку людям. А вдруг я могу жить так, чтобы им не мешало моё существование? Если я стану разборчив в выборе жертв, они не будут против?

Можно избавлять людей от тех, кого им не жалко. Тогда они станут молчать обо мне...

Так я мыслил в сонных грёзах.

Пробуждение не было спокойным. Грянула подвальная дверь. И я в миг встал на ноги. Знал, что это не предвещает ничего хорошего. Кто бы сюда ни пришёл – он пришёл за мной.

По лестнице пронеслись тяжёлые решительные шаги и в темноте возник человек. Он не походил ни на одну тварь, что встречалась мне раньше. На нём была затёртая кожаная куртка, чёрные штаны, туго зашнурованные ботинки. На его поясе болтались метательные ножи и какие-то пузырьки. На шее висел большой серебряный крест.

Сам он был бородат и суров. Ещё никто не смотрел на меня с таким бесстрашием. Он улыбнулся, показав хищные

белые зубы. Он был человеком, как и все остальные жители дома, но обладал нестигаемой волей.

– Демон! – сказал он с яростным восторгом и сощурил ледяные глаза.

Драки было не избежать. Я кинулся на него, думая, что запросто пробью рукой это хрупкое тело и вырву сердце. Но человек сорвал с пояса пузырёк и окропил меня прозрачной жидкостью.

– Изыди, нечистый!

Капли попали мне в лицо, на шею, на руки. Они жгли как кислота! В то же мгновение я ослеп на один глаз. Он лопнул и вытек, кожу прожигало до костей. Я заревел от боли.

Кого сюда привели эти жалкие людишки по мою шкуру?!

Страх заставил меня повернуться к нему спиной и бежать. Я ещё никогда таких не видел, но, судя по всему, это был охотник, что не раз встречал подобных мне. Мои мучения доставляли ему радость.

Мимо уха пролетел и вонзился в балку метательный нож. С него капало какое-то масло. Сильный горьковато-смолистый запах обжёг ноздри.

Я не успел почувствовать облегчение от того, что эта дрянь пролетела мимо. Второй нож врезался мне в спину промеж позвонков. Масло закипело внутри меня.

Я упал и мои ноги непроизвольно задёргались. Мой крик эхом пронёсся по подвалу.

– Отведай святого елея! – бородатый охотник отмачивал

заготовленные фразы. – Изгоняю тебя, нечистый! Сдохни же в муках!

Не стоило ползти, цепляясь ногтями за бетонный пол. Боль была слишком сильна. Я свернулся у стены в ожидании последнего удара.

Но этот охотник желал растянуть мои страдания. Говорил нараспев густым басом:

– Чувствуй принесённые тобой мучения! Пожалей убиенных тобой!

Я наконец узнал этот голос. Это и был тот самый молодой человек с пистолетом, что командовал вскрывать квартиру, где я прятался. Никита Пустынский... так его звали. Как же я его недооценил! Он хорошо знал своё дело.

Охотник ушёл, оставив меня одного. Лезвие ножа выжигало мои внутренности. Это длилось не минуты, а часы. За это время моё тело иссохло. Руки стали похожи на кости, обтянутые синей кожей.

Я просто дожидался, когда мои страдания закончатся, ничего не видел и не слышал...

Чьи-то пальцы взялись за рукоять ножа и с усилием дёрнули. Мне сразу стало легче. Слух пробудился... Этот знакомый стук маленького сердца. Я повернул голову и открыл единственный глаз. За моей спиной стоял пацан.

Он спустился в подвал, чтобы помочь мне.

Уронив на меня сочувствующий взгляд, маленький человек отбросил нож в сторону и ушёл.

Он не хотел моей гибели! Но как мне было спастись, такому слабому и беспомощному?..

Крохотные сердца. Подвал был полон крыс. Они бегали вокруг меня, желая полакомиться моим телом. Я схватил ту, что пожирнее. Из последних сил, сломал ей шею, вспорол ногтем грудь и выковырнул красный комочек.

Он таял на языке как живительный нектар.

«Много мне таких нужно, чтобы хотя бы встать на колени», – но я теперь знал, что не умру. Не сегодня!

Мёртвый дом

Какая ночь. Ветер и дождь. Не люблю, когда что-то падает с неба. Я домосед и должен всегда где-нибудь обитать. Мне нужны стены и крыша над головой. Но теперь я бездомный, иду во тьме, куда глаза глядят, ищу себе новое укрытие. Ветер треплет волосы, задувает мне под плащ. Где бы укрыться?

Вот оно! То, что мне нужно! Недостроенный дом-особняк, спрятанный среди густых деревьев. Трёхэтажная хоромина с круглыми башнями. Пустые окна, арочный вход без дверей, кирпичные стены расписаны краской. Давно уже заброшенный особняк. Сад оброс дикими кустами и сорняком. Этот дом – чья-то несбывшаяся мечта. Как раз то, что мне подходит. Моё новое пристанище, по крайней мере на эту ночь.

Я вошёл внутрь. Огромный первый этаж: бетонные стены, бетонный пол, кирпичи, пустота и мусор. Много потайных комнат и проходов. Всё напитано холодом, но нет ветра. Даже ему не хочется влетать в это гиблое место.

Запахи. Резкие и приставучие. Мне нравится!

Сердцебиение! Я здесь не один. Есть ещё кто-то. Живой!

Тук-тук... Тук-тук... Его мощное сердце стучит в тишине. Этот человек скрывается в одной из пустых комнат.

Где же он?

Я двинулся на этот звук, как на зов. Кто же он такой? В подобном месте может обитать только тот, кому больше некуда пойти.

Я прошёл через асимметричный угловатый коридор, миновал очередную арку и мне что-то попало под ноги. Носки моих туфель во что-то упёрлись. Это был труп. Мужчина в чёрном пуховике и в чёрной шапке. К его лицу и одежде застывшей кровью приклеились перья из куртки.

Молния сломана, грудь открыта. Сколько колотых ран! Кто-то и мёртвым не оставлял его в покое и продолжал резать.

Кожа грязно-зелёного цвета, глаза мутные, зрачки поплыли. В носу и на губах жёлтые личинки мух. Этому мертвецу не меньше недели. Убили и оставили гнить в заброшенном особняке.

Ну и дела здесь творятся!

И того, чьё сердце бьётся за стеной в глубине комнаты, устраивает соседство с несвежим мертвецом. Значит, его рассудок отличается от большинства людей. Наверное, за стеной скрывается убийца этого неудачника.

Сердце единственного живого человека в особняке стучит слегка взволновано, он чему-то рад и подрагивает от нетерпения.

Я собирался переступить через труп, но вдруг он зашевелился. Его зелёные руки, без напряжения мышц упёрлись в пол. Мертвец с треском отдирает себя от бетона. Ноги согну-

лись в коленях, суставы щёлкали, подбородок ударил по груди.

Покойник сначала сел, а потом встал. Распрямил плечи и поднял голову. Губы зашевелились, изо рта посыпались личинки мух и в стены ударился крик:

– Он убил меня!!! Я умирал в страхе, мучаясь от боли!

Я смотрел на него изумлённо, ведь человеческие трупы не должны двигаться и разговаривать. Если, конечно, они не одержимы.

Что это за дом такой?

Мертвец махал руками, кисти болтались во все стороны:

– Мне так плохо. Мне так страшно.

Я долго рассматривал его ножевые раны. Без сомнения, мёртвый. И голос исходил вовсе не из его рта.

Теперь заметил. Из-за голой стены выглядывала худая и до синевы бледная девушка с длинными черными волосами. Пряди лежали на её плечах и скрывали лицо. Только один глаз и половина острой улыбки сияли, словно за тёмными занавесками.

Она была одета в длинное светлое платье, а на ногах белые тапочки. Сердце не бьётся. Его нет. Эта девушка призрак. Мстительный дух, подкопивший сил и частично обретший плоть.

Всё ясно. Бледная девушка управляла мертвецом, как марионеткой.

Поняв, что её заметили, она громко расхохоталась и спря-

талась за стеной.

Труп немедленно упал.

Всё интереснее и интереснее. Кто же тот человек, что живёт в доме, осквернённом покойником, да ещё и с призраком?

Его сердце колотится сильнее. Он ждёт меня в другой комнате, знает, что я вот-вот приду. Как ему хочется этой встречи. Ещё не понимает с кем связался. Знакомство со мной никому не приносит счастья.

Я наконец переступил через труп и неспешно побрёл к дверному проёму.

Человек опередил меня и выскочил раньше. Молодой мужчина держал перед собой нож и кричал мне в лицо:

– Не повезло тебе, приятель, сегодня твоя последняя ночь!

Ну и глаза! Какая гамма чувств! Взгляд полон гнева, отчаяния и восторга. Он был невысок. На голове длинные взлохмаченные пряди и заметные плешинки. Сам рвал себе волосы. На подбородке длинный, уродливый шрам.

Худой, но сильный для человека. Только кожа и мышцы. К тому же он ещё и жестокий, безжалостный и неукротимый. Привыкший, что от его вида все чувствуют страх. Но только не я!

– Не боишься меня?.. – глаза, окаймлённые тёмными кругами сузились, сердце человека надулось кровью и твёрдо дёрнулось в груди. – Минутку! Так ты неживой? Ещё один

страшила припёрся. Этот дом вас притягивает! Чем вам тут намазано?

Человек перебросил нож в другую руку.

В нём было столько уверенности, пока он думал, что связался с одним из своих... Но всё же этот мужчина не дрожал от страха, увидев, кто я есть на самом деле. Он не привык бояться.

Сердце... Такое мощное, сочное. Большое! После сорока девяти ночей в подвале, где я питался мелкими крысиными сердечками, это было то, что мне нужно.

Я потянул пальцы к его груди и был готов пролезть под кожу, разорвать мягкую плоть, сломать рёбра и взять его трепетавшее сердце. Оторвать от трубок этот мощный мышечный насос, чтобы он дёргался и выбрасывал кровь из клапанов, пока я грызу его.

Но тут рядом со мной из воздуха появилась она – бледная девушка и схватила мою руку маленькими призрачными пальцами.

– Даже не думай его трогать! – холодно сказала она.

– Что такое? – не понял я. – Почему?

Злобный глаз смотрел на меня из прядей волос. Мстительный дух, защищающий жалкого смертного. Жители мёртвого дома оказались ещё страннее, чем я полагал.

– Он полезный человек, – ответила она. – Я хочу, чтобы он оставался живым.

– Понял, – сказал я, расслабив руку.

Девушка бы не смогла меня остановить, но я как нежить чувствовал с ней родство и уступил.

– Ты кто такой? – спросила бледная девушка. – И зачем сюда пришёл?

– Плакальщик, – представился я. – Ищу новый дом.

Бледная девушка и лохматый мужчина рассматривали меня со всех сторон. Ещё никто так не интересовался моей внешностью, но я всегда считал, что этого достоин. Сам не упускаю случая полюбоваться на своё отражение. Мои руки длинные и острые, как мечи, моё лицо искривлено гримасой скорби. Любимое из человеческих чувств. Я несу скорбь и слёзы. Это моё предназначение.

Вот уж не ожидал, что эта странная пара не последний сюрприз мёртвого дома. В подвале прозвучал жабий рёв. Я посмотрел в сторону, где темнел квадратный люк.

Оттуда поднималось что-то большое. Голова как пузырь. Бесконечные бородавки на лбу и лице. Маленькие пороссячьи глаза и нос, приплюснутый на бок, не рот, а растянутое жерло.

На пол плюхнулась сначала одна, а потом вторая рука и подтянула за собой жирное тело, покрытое слоем слизи. Коричневый земноводный человек. Никогда таких не видел.

Он имел не одно, а сразу несколько сердец, но бились они так редко и хаотично, что я не распознал их стук, когда пришёл сюда. Ещё одна нежить.

Жирное существо выволокло себя из подвала и поползло

на коротких руках и ногах к трупу под аркой.

– Смотри, смотри, будет интересно, – сказал мне лохматый мужчина.

Земноводный человек добрался к ногам мертвеца, раскрыл жабую пасть и начал медленно его заглатывать. Помогал себе руками, растягивал рот, пихал себе в горло стопы, потом колени, дошёл до живота...

Труп исчезал в ненасытном жерле, а тело земноводного становилось ещё крупнее. Пузо так раздулось, что короткие ноги не доставали до пола.

Наконец он проглотил мертвеца с головой и, не имея возможности развернуться, попятился обратно к подвалу.

Жирное существо вымученно стонало, пока не уползло в тёмный люк.

– Да, – мужчина потрогал лезвие ножа большим пальцем. – У нас здесь своих уродов полно... Ну, знакомься – это Кукольница.

Бледная девушка взялась за край платья и поклонилась.

– Знаешь почему её так зовут? – мужчина улыбался. – Она играет с трупами, как с куклами. Такие спектакли устраивает. Со смеху умереть можно! А это Слизень. Он не говорящий... Пожирает трупы, когда они уже немножко... порченные.

Мне было трудно его слушать. Его мощное сердце меня отвлекало! Как оно билось. Я представлял его тепло в моей ладони. Сладкий вкус крови на языке, большие куски про-

валиваются в мой желудок. И я наполняюсь силами. Всего один кусок и моя ноющая рана окончательно заживёт.

Настоящее человеческое сердце, а не жалкие крохи мелких грызунов. Как я проголодался.

Человек, вроде него... такой же безжалостный садист, сорок девять ночей назад нашёл меня в подвале и метнул мне нож в спину. Священное масло почти убило меня. Охотник...

Моё выздоровление проходило долго и мучительно.

– Не нравится, как ты на меня смотришь. Я тебе не кусок мяса, – говорил человек.

Бледная девушка хихикала, стоило ему что-то сказать. Он был для неё любимой мартышкой. У меня же этот человек не вызывал никакого интереса. Только его мощное, сочное сердце! Как мне хотелось его забрать!

– Что среди вас делает человек? – давя в себе желание, спросил я девушку.

– Не говори так, будто меня нет, – требовал мужчина с живым сердцем. – Прояви уважение. И не ставь меня в один ряд с ублюдскими людишками. Они меня отвергли, и я их тоже. Мне комфортнее с монстрами вроде вас. Поверь, мы похожи. Люди называют меня убийцей, маньяком, выродком, а здесь я могу быть тем, кто я есть. Слизень и Кукольница – мои единственные друзья. Можно сказать, заменяют мне семью! Они никогда не скажут мне, что убивать плохо. Это моя природа, я так устроен. Можешь считать меня монстром

в человеческом облиции.

– Понял, – сказал я.

Мне не нравился этот разговор. Что здесь придумаешь? Я всего лишь хотел провести ночь в одиночестве, выспаться днём, а потом ждать какого-нибудь случайного прохожего, чтобы убить его и насытится.

Как тяжело думать на голодный желудок. Хоть бы одна крыса пробежала, но в этом доме их не было. Животные лучше людей чувствуют ауру нежити.

Собаки надрывались воем, пока я шёл сюда мимо деревни. Что, мне искать другой заброшенный дом? Снова идти под дождь и ветер? Мне бы этого не хотелось.

И чего я медлил? Мог бы просто убить этого человека. А Слизень бы подъял за мной его остатки и дело с концом.

– Пусть он останется, – сказала бледная девушка. – Мне хочется новых зрителей. Он будет смотреть мои спектакли. Я придумала одну постановку. Для неё надо два трупа: мужчины и женщины... Представьте... муж приползает домой и орёт на жену: «Где моя еда?», даёт ей пощёчину. Она кричит: «Я больше не стану это терпеть!» и вонзает в него нож. Он: «Ах ты тварь! Ты убила меня! Тогда умрём вместе!», вытаскивает нож из себя и втыкает в неё. А потом она вытаскивает из себя и втыкает в него. И так опять, опять и опять, а в конце оба сдохнут! Ха-ха-ха!

Маньяк её остановил:

– Подожди, Куки. Не спеши принимать всех подряд в наш

«теремок». Расскажи, в чём твоя сила?

– Сила... – произнёс я, глядя ему в грудь. – Я беру силу из сердец. Вырываю их у людей и ем.

– Собираешься забирать сердца из моих трупов? – спросил мужчина.

Я помотал головой:

– Нет... Сам! Мне нужны только живые сердца, пока они трепещут!

– Не пойдёт! – мужчина указал на меня остриём ножа. – Убийца здесь я! В этом доме система налажена: сюда лезут любопытные людишки, я делаю трупы, Кукольница играет, Слизень подчищает. Ты нам не нужен.

– М-м-м! – протянул я со злобой.

Этот человек испытывал моё терпение, которое было не безгранично.

– Эй! Ты здесь? – прозвучало с порога.

Я узнал его, даже не по голосу, а по характеру стука сердца!

Глаз бледной девушки округлился. В маньяке пробудилась жажда крови. Он крепко, почти до пореза, сдавил лезвие ножа большим пальцем. Эта странная пара сразу забыла и обо мне, и о нашем разговоре. Теперь их волновал только тот, кто пожаловал в заброшенный особняк.

Они прошли по коридору, воровато поглядели на выход.

Я проследовал за ними. Под аркой стоял мальчик, одетый в тёплую куртку.

– Как тут пахнет, – ребёнок поморщился.

Мы были знакомы. Это он меня спас! Вытащил из меня нож, когда я уже умирал. Благодаря этому маленькому человеку мне повезло не отправиться в ад.

– Мальчишка! – зашептал маньяк. – Из всех людей дети – самые отвратительные. Худшие из худших, пока живые!

– Убей его! – заговорческим тоном сказала бледная девушка. —Интересно будет с ним поиграть.

Мужчине не нужно было и говорить этого. Он нетерпеливо крутил рукоять грязного ножа.

В подвале опять прозвучал жабий рёв. Бородавчатая голова поднималась из люка. Слизень тоже захотел посмотреть, кто явился в дом так поздно.

– Эй, ну где ты? – мальчик пока не решался пройти дальше порога.

– Не смейте, – сказал я.

– Тебе уже объяснили, что убийца здесь я, – тихо ответил маньяк, опасаясь напугать ребёнка. – Поищи себе другой дом и другую жертву.

– Я не дам его убить, – мне искренне не хотелось, чтобы они трогали этого мальчика.

Он не должен был умереть.

– Достал ты меня, уродец! – маньяк не побоялся повысить голос.

Он с яростью обернулся на меня, его сердце забилось с невероятной быстротой. Все мышцы напряглись.

Ржавый от крови нож заблестел на кончике. Мужчина метил мне в живот, собираясь нанести удар.

Я лёгким движением откинул его руку тыльной стороной ладони. На что он вообще надеялся?.. Его плечевой сустав треснул. Маньяк удивился моей силе. Глаза стали круглые-круглые, он открыл рот и чуть не вскрикнул. Я ему этого не дал.

Мои пальцы проникли ему в грудь. Вот оно! Мощное, твёрдое сердце. Наконец-то!

Я вырвал орган из его груди. Даже не пытался растянуть удовольствие, так и сожрал его в три укуса.

Мужчина с пустой грудью шмякнулся на пол.

– Чего ты там делаешь? – кричал мальчик пока я жевал.

– Что?! – завизжала бледная девушка. – Ты его убил?! Да, как ты мог? Я тебе этого не прощу!

Её пальцы скривились, будто она держала нити. Мёртвый маньяк, снова поднялся, сжал нож в расслабленной руке. Кукольница попыталась напасть на меня, управляя трупом.

Расправиться с ним теперь было ещё проще. Я ударил его обеими руками по плечам и отсёк руки, а вторым ударом по шее оторвал и голову. Куски разметались по стенам.

Поймав нож в воздухе, я обернулся и метнул его в Слизня. Лезвие до рукоятки вошло ему в нос.

Земноводный человек с рёвом провалился в подвал.

Кукольница опустила голову. Её лицо полностью закрыли волосы. Она плакала. Бледная девушка являлась духом, я не

мог её убить, но и ей больше нечем было мне угрожать.

Я вышел к мальчику. Он радостно улыбнулся, когда увидел меня. Его не пугала кровь на моих руках и на лице.

– Вот он ты! – сказал ребёнок. – А кто там плачет?..

– Убирайтесь из моего дома! – с надрывом крикнула бледная девушка из темноты. – Оставьте меня одну, уроды!

Я махнул рукой, давая понять, что это не стоит брать во внимание. Мой желудок довольно урчал. Силы вернулись в тело. Давняя рана перестала ныть.

– Я видел, как ты уходил и побежал за тобой. Почему ты ушёл? – спросил мальчик. – Я думал тебе нравится в подвале.

– Меня найдут, – ответил я. – Мне нужен новый дом.

Так странно. Мне совсем не хотелось отнимать сердце у этого ребёнка. Он был мне дорог живым и здоровым. Меня переполняло незнакомое ранее чувство благодарности. Наверное, он питал ко мне то же самое. Однажды я избавил его от страшного обидчика, которым был его родной отец.

– А давай ты будешь жить у меня под кроватью! – сказал он. – К нам домой никто не ходит, и бабушка не смотрит под кровать. У неё болит спина...

– Жить у тебя под кроватью? – я не мог поверить, что ребёнок приглашает монстра к себе.

– Да! Пошли домой? А то холодно. Я замёрз весь.

Мы покинули мёртвый дом. Шум ветра сделал вопли бледной девушки неслышными, а я почувствовал покой.

Ничей этаж

В этом районе все дома похожи друг на друга. Но в нашей одиннадцатизэтажной панельке всегда было кое-что особенное: шестой этаж, где никто не живёт. Там все три квартиры пустые. Там совсем не истёртая плитка. Все двери от застройщика – голые, фанерные. Старые круглые звонки – белые с чёрными кнопками. Счётчики стоят на нулях. Время там словно остановилось. Проходя мимо, ты будто переносишься в далёкое прошлое и замечаешь, как многое изменилось в местах, где, казалось бы, ничего не меняется.

Это место называют «ничей этаж».

Если вечером смотреть на дом с улицы, то кажется, что он поделен ровно пополам, ведь на шестом этаже всегда темно. К тому же там стоят старые окна, с обычными двойными стёклами и деревянными рамами. Этим наша панелька отличается от других.

Можно сказать, местная достопримечательность, окутанная тайнами. Кого ни спросишь – никто не знаком с хозяевами квартир на шестом этаже, а потому неизвестно почему они не продают жильё или не сдают в аренду.

Когда я столкнулся с финансовыми проблемами, мне пришлось вернуться в свою панельку. И тот пустой этаж теперь стал для меня символом несправедливости мира и неравенства людей. У кого-то нет денег, нет дома. А кто-то держит

свои капиталы в пустой жилплощади.

Но в детстве «ничей этаж» казался чем-то мистическим. Будто это кусочек чужого мира. Мы, когда были детворой, верили, будто за фанерными дверями обитают те, «другие», что не похожи на нас...

Когда-то я начал своё дело, потому что хотел жить лучше. А сейчас мне бы понравилась прежняя обычная жизнь, самая простая работа и средний доход.

Я бы не бичевал себя за то, что у меня ничего не вышло. Ведь я люблю свой район, свою панельку и маленькую квартиру. Я бы чувствовал себя уютно, если бы не мои долги...

Сказав, что у меня финансовые проблемы, я сильно уменьшил. Это не проблемы. Это беда! Выбрал бы и другое слово, но не хочу ругаться.

Прогоревшее дело оставило меня с огромной суммой задолженности, которую невозможно вернуть. И теперь каждый месяц ко мне являются ростовщики и забирают большую часть моей зарплаты.

Чтобы покупать еду, оплачивать свет и газ, мне приходится брать подработки. На основном месте работы я не на хорошем счету. Нет мотивации добросовестно трудиться, если знаешь, что все деньги отберут.

Когда я слышу стук в дверь, меня переполняет ненависть. Я презираю эти три самодовольные рожи! Но открываю им с таким видом, будто глубоко виноват перед ними.

– Макс, что-то ты с деньгами не торопишься, – говорит мне их главный с сожалением и скалит свои зубы-унитазы.

Один его пацан с чёлкой набок равнодушно чавкает жвачкой. Второй, в кепке и в спортивках, светит надменной рожей, задрав подбородок.

А я приглашаю их в дом, оправдываюсь перед ними, что был в больничном отпуске. Я извиняюсь за то, что болел и платить мне нечем!

Главарь с белёными зубами высокомерно цокает и говорит: «Чайку бы! Сахар-то хоть есть?». Я как мальчик мечусь туда-сюда, подаю ему кружку, а он отхлёбывает единственный раз и произносит: «Ещё десять дней тебе дадим!».

Потом они уходят, а я чувствую себя униженным и беспомощным.

Мой, я бы сказал, последний друг всегда рад моим визитам. Я живу на одиннадцатом этаже, а Даниил прямо подо мной. К нему можно приходиться без предупреждения. Он распахивает дверь и с улыбкой говорит: «Макс, где пропадешь?», будто я давно у него не был.

Что бы ни стряслось, я прихожу к нему и не пытаюсь взвалить на друга свои проблемы. Побывать рядом с добрым человеком – само по себе успокоение.

Даниил работает программистом. Он обожает компьютерные игры и сам занимается их разработкой. У него есть мечта – создать нечто такое, что «выстрелит».

– Сыграешь в мою «демку»? – предложил друг, когда я пришёл к нему после очередного унижения.

Как мне нравился его мир... Не такие уж серьёзные вещи казались ему по-настоящему важными.

Даниил предложил мне поиграть в жуткий квест. Сам он не склонен к мрачным настроениям, но ужасы – его любимый жанр. Игра называлась «Бункер». Главной задачей было – найти выход из убежища, которым управляет злой искусственный разум.

Мне нравилось играть, но из-за своей подавленности, я был скуп на оценки.

– Что, не страшно? – почти расстроился Даниил, не получив желаемой реакции.

Я и сам не заметил, как начал жаловаться. Сказал: «Моя жизнь сейчас куда страшнее» и понеслось! Я рассказал ему про ростовщиков. Как меня «доют» каждый месяц и хорошо-го конца этому не будет.

Этой братве плевать на мою жизнь. Они будут меня обирать, пока я не продам свою квартиру и не стану бомжом, с которого нечего взять. Или пока не пожертвую почкой. И куда я пойду? В суд? Я и правда должен им эту сумму. И они от меня не отстанут.

Даниил пытался внушить мне оптимизм:

– Уверен, что есть способ! Надо у людей больше спрашивать! Люди дадут совет. Ты ведь не один попал в такую ситуацию. Я тоже за тебя поспрашиваю, что тут можно сделать.

Я поблагодарил друга за попытку помочь. Мне уже и от этого стало немного легче. Это были не пустые слова. Друг за меня всерьёз беспокоился и, похоже, обошёл всех своих знакомых и наших соседей, спрашивая, чем можно помочь.

Ко мне на улице подошёл Женя. Мы с ним знакомы с детства, выросли в одном дворе, но уже давно не общались.

– Макс, мне тут сказали, что над тобой процентщики измываются. Правда?

От одного этого вопроса во мне загорелась надежда. Я ответил, что житья не дают уже целый год. Даже машину продал и всё как в бездонную бочку.

– А ты ходил ТУДА? – сосед украдкой показал на старые окна панельки.

– Ты издеваешься? – возмутился я, поняв на что он намекает.

Да, раньше мы верили, что «ничей этаж» исполняет желания. Мы бегали туда, колотили в закрытые двери и вскрикивали что-нибудь вроде: «Хочу компьютер!», а потом с хохотом и дрожью неслись оттуда подальше. Весело, и жутко! Но мы были глупыми детьми! Как Женя до сих пор мог в такое верить?

– Это не враньё! – Женя говорил серьёзно. – Если выхода нет – надо идти на «ничей этаж». Мелкие желания не исполняются, а в большой беде тебе помогут.

– Кого ты имеешь в виду? – строго спросил я, надеясь, что сосед перестанет нести чушь.

– А сам как думаешь? «Другие»!

Алкоголем от него вроде не несло, но продолжать эту беседу я не собирался. Развернулся и пошёл к подъезду.

– Денег у них не проси! – кричал он мне вдогонку. – Что угодно можно просить, кроме денег. Говори кратко и уходи быстро. Задерживаться там нельзя!

Я обернулся и покрутил пальцем у виска:

– Сам-то пробовал?

– Пока не было острой нужды, – говорил Женя. – Всё не так просто, последствия будут! Но если бы я оказался в такой же заднице, то пошёл бы туда. Многие пробовали и у них получалось. Главное потом выкрутиться!

Сил моих нет! Да я бы и сам к чёрту лысому пошёл, но нет его... чёрта этого.

У меня даже мысли не закралось: «А вдруг? А что если?..». Я был уверен, что всё это полная туфта, но зайдя в лифт вместо кнопки одиннадцатого этажа нажал на шестой.

Зачем? Да просто посмотреть. Заговорили на эту тему, вот мне и стало любопытно, что там изменилось за все эти годы. Оказалось, что почти ничего, кроме свежей краски на стенах, после недавнего ремонта...

Три фанерные двери. Повсюду пыль и паутина. На ручках мелкие крошки потолочной побелки.

Я стоял и раздумывал, почему в этих квартирах никто не живет? Они ведь не могут никому не принадлежать.

Не было никаких звуков, но с чего-то вдруг возникло чув-

ство, что на меня кто-то поглядывает. Я посмотрел на квартиру, которая была расположена точно так же, как и моя.

Что-то мелькнуло в глазке. Какое-то движение... И вот опять! Словно око шевелилось в глазнице.

Я сощурился и чуть приблизился к двери. А затем отбежал обратно к лифту и нервозно задёргал кнопку. Пальцы дрожали, как с похмелья.

В двери, вместо глазка был настоящий глаз! Нет. Это не человек стоял за дверью и следил за мной через пустое отверстие. Это был «дверной глаз»! Врезанный в фанеру. Настоящий, живой глаз. Он блестел от влаги, его зрачок сужался и расширялся. Он следил за моими движениями.

Лифт вёз меня вверх, а я до сих пор озирался по сторонам. Боялся, что за мной и в лифте смотрят.

Теперь я как в детстве поверил, что «ничей этаж» – фрагмент чужого мира. И знал, что ещё вернусь туда.

Целый день, я собирался с силами. Обдумывал сотни вариантов, как высказать своё желание кратко и понятно. Мое сердце билось сильнее, чем когда-либо, и я с трудом надавил на кнопку шестого этажа. Палец стал мягким и неловким.

Когда я вышел из лифта и встал перед пустыми квартирами у меня тут же развеялись все мысли. Атмосфера казалась слишком напряжённой.

– Избавьте меня от них! – я хотел сказать совсем не так... Это вырвалось из души!

У меня же была другая, более точная формулировка. Хотелось сказать ещё раз, всё объяснить, но мысли путались.

Мне показалось, будто прозвучал тихий щелчок замка. Я глянул на квартиру, откуда на меня вчера смотрел глаз. Теперь там был обычный глазок, но дверь шевельнулась! Воздух заполнился облаком пыли.

Заскрипели петли. Здесь же нельзя задерживаться. Нельзя стоять!

Из квартиры что-то выглянуло. Это лицо напоминало маску из твёрдого пластика. Я увидел широкий улыбающийся рот с мелкими зубами. Вместо глаз только пустые прорези, на щеках застыли чёрные слёзы.

Я сделал медленный шаг к лестнице. Дверь открылась шире и это существо дёрнулось на меня. И я полетел оттуда, сбивая ноги о ступеньки.

Ну и тело было у него! Будто сплетённое из чёрных проводов. Руки длинные, пальцы висят, как плети. Я тут же пожалел о своей попытке. Пожалел о том, что увидел. Это создание не из нашего мира. Связываться с такими нельзя.

Я не считал дни, а просто знал, когда ростовщики снова придут. Я чувствовал: «Это случится сегодня». Время пришло.

И я не пропустил момент, когда в нашем дворе, среди дешёвых тачек, припарковался бандитский Роллс Ройс. Я смотрел в окно, как трое парней идут к моему подъезду и

знал, что сейчас будет.

Они постучат в дверь, я открою и отдам им все свои деньги. Вид у меня будет виноватый, потому что их реакция предсказуема. Главарь скажет: «А что так мало? Так дела не делаются! Мы на бензин больше тратим, чтобы к тебе ездить!».

И они не уйдут, пока не напитаются моим унижением. Гадды!

Они заставляли себя долго ждать. Меня трясло от гнева. Я желал, чтобы они провалились в шахту лифта.

Прошло десять минут напряжённого ожидания, а затем и пятнадцать. Никто не пришёл! Но их машина всё ещё стояла под окнами.

Час спустя я понял: вышибалы не придут! Они вошли в подъезд и пропали. С ними что-то случилось по пути. Я почувствовал облегчение и тревогу одновременно. Моё желание сбылось. Меня от них избавили! Это какой-то сон...

Роллс Ройс стоял во дворе уже который день, словно напоминая о том, что я больше ничем никому не обязан. Хозяева за ним не пришли. Они как растворились, их даже никто не искал и не спрашивал.

Я не мог расслабиться и наслаждаться победой, потому что меня постоянно тревожили мысли: что случилось с теми тремя? На что я их обрёл? На смерть? А что же произойдет дальше? Обитатель пустого этажа потребует что-то взамен?

Женя подошёл ко мне во дворе. Он меня как дожидался, чтобы спросить:

– Твоих ребят машинка?.. Значит ходил. Ну и молодец.

– А что теперь? – я сам не знал почему заговорил шёпотом.

– Теперь тебе лучше показывать хорошее отношение... «Другие» могут проявлять знаки внимания. Не игнорируй! А то попадёшь в немилость. Как Серёга... Помнишь?

Я его помнил! Висел под своим балконом на бельевой верёвке, медленно вертелся, как ёлочная игрушка. Не знал, что это не было его решением. И если подумать: сколько наших соседей ушли из жизни преждевременно. Много в этом доме происходило жутких несчастных случаев.

Знаки внимания... В самом деле! Я стал замечать их. Насколько я помнил, существо с шестого этажа слепое, но его глаза были повсюду. Буквально!

На меня смотрели из тёмных окон. Я заходил в подъезд и замечал движение белков в вентиляционной трубе. Под лестницей среди колясок и велосипедов. В прорезях почтовых ящичков.

А лифт, как проклятый теперь останавливался на шестом этаже. Мне приходилось дважды нажимать на кнопку, чтобы доехать в свою квартиру. От страха я терял способность дышать, когда передо мной открывался вид на старые фанерные двери. Заранее держал палец на кнопке, чтобы сразу нажать и уехать с этого этажа.

Это продолжалось довольно долго и стало почти привычным. Но однажды лифт с первого раза привёз меня домой. Увидев дверь своей квартиры, я подумал: «Наконец-то это занчилось».

Я подошёл к порогу, вынул ключ из кармана и внезапный приступ ужаса заставил меня до боли сжать его в руке.

Это была не моя дверь! Похожая, но не моя! Такая же шероховатая металлическая поверхность, но ручка немного ниже, а глазок чуть смещён вправо. Это копия моей двери в чужом мире!

Я стоял на шестом этаже. Где всюду пыль и паутина свисает с потолка.

Так обманули и тех, кому я был должен. Лифт привёз их на «ничей этаж». Они увидели эту дверь и вошли. И там с ними что-то случилось!

Я шаркнул по плитке, отводя ногу назад, но голос за дверью приказал мне:

– Войди!

Хотя это голосом было не назвать. Некий скрежет похожий на людскую речь.

«Лучше показывать им хорошее отношение», – вспомнил я.

Капля пота упала с подбородка. Мокрая ладонь легла на ручку. Я надавил и потянул. Твердил себе:

– Исполниай и всё будет хорошо.

За дверью была не моя квартира и не похожая на неё, а

совсем не использованное жильё с ремонтом от застройщика. Но и без жильцов обстановку не пощадило время. На деревянном полу засохла и потрескалась краска. Старые полосатые обои выцвели и отклеились по углам.

Я заставил себя сделать несколько шагов по прихожей, заглянул в комнату и мне открылось зрелище, которому суждено навсегда остаться в моей голове.

В комнате без мебели лежали изуродованные тела. Главного парня буквально размазало по стенке. На обоях присохли и остались висеть его глаза, волосы и ошмётки кожи лица. На полу лежали истёртые останки. Почти безголовое тело, только нижняя челюсть уцелела – сверкала белёными зубами.

А парня с чёлкой скрутили, как мокрую тряпку, и он валялся в центре комнаты. Тело третьего было растоптано в углу и напоминало бесформенный кровавый сугроб.

С ними случилось всё то, что я представлял в приступах ненависти!

Они пролежали здесь так долго, но не разлагались. И я понял почему. Они до сих пор были живы! Конвульсировали в бесконечных предсмертных муках!

В воздухе висели пары свежей крови, и я не дышал.

Это какой-то сон... Страшнее кошмара и представить нельзя.

Стукнула дверь кладовой. Я оглянулся. В черноте висело лицо-маска, длинная рука потянулась вперёд будто указывая

куда-то.

Я обязан был приглушить свой страх, подавить тошноту и посмотреть, куда велено. Рука-плеть тыкала в подоконник.

Я обошёл изувеченные тела, переступил через кровь и приблизился к мутному окну, за которым не было ничего видно из-за слоёв пыли.

На подоконнике, среди сеток паутины и сотен высохших мух лежали ключи от машины. Все в красных потёках.

– Бери!

Я чуть до потолка не подпрыгнул от этого голоса.

Значит подарок... Это существо решило отдать мне машину тех ребят... Мне это было не надо, но как я мог перечить?

Я взял, просипел: «Спасибо!», и ни разу не поглядев в сторону кладовки, ушёл.

Сколько всего страшного происходило с жителями нашей панельки. Когда я ещё был маленьким, один из моих соседей свалился из окна с одиннадцатого этажа... Не то сам, не то случайно. А тётя Надя? Её заметили на лестнице с раздробленной шеей. Думали, упала.

Ещё одного мужика, лет пять назад, нашли остывшим в квартире с пробитой глазницей и вытекшим глазом. Говорили: неудачно упал и напоролся на угол стола.

Как же теперь в это поверить? Ведь, по слухам, они все ходили на «ничей этаж» просить помощи в неразрешимых

бедах. И своё они получили. Но потом попали в немилость.

А есть ли те, кто выжили после похода туда? Есть! Ходят теперь ни живы, ни мертвы, вечно озираются и вздрагивают, когда с ними здороваются... Вот и я теперь такой же. Услышал своё имя на улице, а меня так и затрясло.

– Макс! – это оказался Даниил. – Да что это с тобой?.. За сердце хватаешься... Извини! Я не хотел пугать.

– Всё нормально, – говорил я, а сам не мог надышаться.

Друг мне не поверил:

– Да какое нормально? Ты заглядывать перестал. Ходишь – волосы дыбом, весь бледный. Женя сказал, что дал тебе нужный совет и проблемы с долгами, как я понял, решены. Но ты, извини меня, как мертвец. Я тебя никогда таким не видел! Это тебе так помогли? Расскажи, что стряслось?

Я подумал: «Нет друг, не надо тебе этого знать. Ты хороший парень. Не дай бог что-то случится и тебя угораздит связаться с другими... Я и сам не представляю, как теперь буду с этим жить».

А ты пожелай!

Каждый вечер заканчивался одинаково. Мои родители возвращались с работы и начиналась перепалка. Они не могли вынести друг друга. Поначалу старались не разговаривать, но стоило кому-то из них нарушить молчаливое напряжение – вспыхивала ссора.

Родители винили друг друга во всех бедах, спорили о том, кому из них тяжелее, собачились по поводу трат. Эта грызня могла длиться часами.

И опять их злобные голоса! Мне хотелось убежать без оглядки, как только мать и отец приходили домой. Но я не мог проводить каждый вечер у друзей. Так у меня появилась привычка выходить в подъезд и сидеть на ступеньках.

Жители нашего дома почти не пользовались лестницей, и там всегда было тихо. Я закрывал глаза, старался не обращать внимания на глухие крики в моей квартире и мечтал о свободе.

Хотелось поскорее отучиться, стать независимым от родителей и жить одному. Но сейчас не было возможности. Приходилось терпеть и надеяться, что когда-нибудь они просто замолчат или разойдутся навсегда.

Как же я устал от этих склочных родителей, что не могут справиться со своими эмоциями.

Внизу лязгнул ключ в замке и отворилась дверь. Я этому

удивился. Мне всегда говорили, что под нами никто не живёт, мол, пустые квартиры на всём этаже.

– Чего ты там сидишь? – прозвучал хриповатый мужской голос.

Я сразу понял, что обращаются ко мне и ответил:

– Это мой дом. Имею право.

– Я тебе не в укор и не в осуждение! – голос звучал бодро и чётко, как у театрального актёра. – Люди не сидят в подъездах просто так. Тебя выгнали?

– Нет, – я не собирался открывать душу незнакомому соседу.

– Так что сотворилось?

– Просто вышел подышать.

В моей квартире не смолкали вопли родителей. Каждый доказывал свою правоту гневным криком.

– Твоя родня шумит? – спросил незнакомый сосед снизу.

Я не хотел жаловаться не пойми кому, но слова неудержимо рвались наружу:

– Да, мои грызутся... Извините, если беспокоят.

– Часто их слышу, – отозвался незнакомец. – Небось мечтаешь, чтобы жили смирно?

– Мечтаю, чтобы они развелись уже!

– Не желай такого! Семья будет неполная...

Я от злости стиснул зубы и пробубнил:

– Лучше здоровая семья, чем полная. Я не вывожу их ссоры. Ещё и меня в это втягивают. Говорят, что ради меня ста-

раются. А мне это не нужно!

Неизвестный уж слишком увлёкся своей артистичной манерой и заговорил, как добрый волшебник:

– Ну, а хочешь: они будут тихие-тихие? Станут жить в ладу и без раздора!

– Они просто не подходят друг другу, – ответил я. – Это невозможно.

– А ты пожелай!

– Ну, желаю и что?

– Всё...

Мне надоел этот спектакль. Я захотел посмотреть в глаза тому чудаку. Сбежал вниз по лестнице, но успел увидеть только спину в пиджаке. Дверь средней квартиры закрылась.

«Трус!», – подумал я, оглядывая пустую площадку. В самом деле можно было подумать, что там никто не живёт. Старые двери, пыль и круги паутины.

Первым замолчал отец. Когда он пришёл с работы, мама уже была дома. Она резко изменилась в лице, когда он зашаркал в прихожей.

Я думал: только бы никто ничего не сказал! Их могло взбесить что угодно. Мама вспыхивала от того, что ботинки разбросаны, а не стоят в обувнице. Папа мог разораться от того, что мама пришла раньше, но не удосужилась сходить в магазин, а если удосужилась, то купила не то, что он хотел.

Но отец молча прошёл на кухню, что-то съел, выпил ста-

кан воды и отправился к себе в комнату.

Я сидел напряжённый: пусть никто ничего не скажет!

– Свет ты кому на кухне оставил? – крикнула мама ему в спину.

«Нет! Зачем ты это сделала?», – подумал я, ударив себя ладонью по лбу.

Сейчас отец обернётся и скажет, что она и сама везде оставляет свет включённым. И опять начнётся многочасовая грызня!

Но отец ничего не сказал. Он вернулся на кухню, хлопнул по выключателю и спокойно ушёл в свою комнату.

– Пьяный что ли? – удивилась мать.

Ей было непривычно проводить вечер в тишине. Она ожидала ссору, но холодное спокойствие отца оставалось непрошибаемым.

Я радовался. Наконец-то тишина. А маме будто чего-то не хватало. Она была как закрытый улей, полный жужжащих пчёл, которым тесно внутри. Потеряв возможность выплеснуть злобу, мама громко хлопала дверями, теребила волосы и кусала себя за пальцы.

Такой она оставалась до следующего вечера. Теперь отец вернулся первым... расслабленный и безэмоциональный, как и вчера. Он со мной и не поздоровался.

Я подумал, что он просто выгорел из-за постоянных ссор и теперь ходит в ступоре.

Мама задерживалась с работы. Я уже начал волновать-

ся, но вдруг в замке заскрежетал ключ. Непривычно было видеть её лицо таким отсутствующим. Ни раздражения, ни усталости, ни грусти. Опустошённые глаза, плавные, расслабленные движения. Мама будто не ходила, а плыла в воде по течению.

Родители не разговаривали ни со мной, ни друг с другом. Даже если оказывались в одном коридоре, молча уступали дорогу. Спустя час таких блужданий, папа закрылся в своей комнате, мама уселась на диван в гостиной, глядя перед собой. Она редко моргала и это делало её жуткой.

– С тобой всё хорошо? – я коснулся руки матери и тут же отдёрнул.

Меня напугало, что она такая холодная. Как едва оттаявшее мясо из морозилки. У живых людей не бывает настолько холодных тел!

Сосед снизу! Это он сделал что-то с моими родителями. Я высказал желание, чтобы они были тихие-тихие и тот неизвестный превратил их в молчаливых зомбаков.

Я не мог объяснить как, но твёрдо знал, что он к этому причастен. Есть множество историй про колдунов, которые умеют ворожить и заговаривать.

Один из таких всегда жил под нами?.. Я и думать не стал, как лучше поступить. Казалось, надо торопиться, бежать вниз и спрашивать, что стало с мамой и папой.

Я обулся в тапки, вышел в подъезд. Нужно было спуститься всего на один этаж, но лестница казалась бесконеч-

но длинной, терялась во тьме и внушала невольный трепет. Словно это был спуск в ущелье или в другой мир.

В груди всё дрожало. Я постучал в фанерную дверь и крикнул:

– Эй, это вы сделали? Отвечайте! Что с моими родителями?

По квартире пронёсся быстрый рокот шагов. Закрутился замочный механизм и дверь отварилась настежь.

– Что с ними стало?.. Ты сказал «желаю»!

Слова того, кто вышел из квартиры больше не имели смысла. Его облик заставил меня забыть обо всём и бежать вверх по ступенькам.

Это был не дядька-сосед, а творение из чудовищных сказок. Невозможное создание, будто вылепленное из пластика. Вместо глаз два круглых отверстия, как у шара для боулинга, близко посаженные друг к другу. Носа нет, а только глубокие складки, похожие на измятую ткань. Здоровенный рот-полумесяц, крохотные зубы, округлые скулы, вытянутый череп и лысая голова.

Пластелиновый человек был обряжен в тёмный старомодный костюм в полоску. Слишком тесный даже для такого ходячего скелета.

Я бежал, спотыкаясь о ступеньки. Он шёл за мной, тянулся длинными пальцами, театральный голос гремел на весь подъезд:

– Я их такими сделал. Хочешь знать как? Пойдём со мной,

я открою тебе удивительный мир. Ты в жизни такого не видел! Я всё тебе покажу!

Мне хотелось проснуться. Это не могло быть явью. Но всё казалось слишком настоящим. Грязные разводы на ступеньках, запахи хлорки и табака, полосы света и тени. Боль в ушибленном колене.

Я влез в свою квартиру на четвереньках, встал, закрылся и опять сполз на пол.

Мама и папа смотрели на меня из комнаты стеклянными глазами. Они видели мои слёзы, но не выражали никакого сочувствия.

Жить с зомби-родителями оказалось ещё хуже, чем с теми, что вечно ссорились. Молчаливые, холодные отец и мать покидали дом утром и возвращались под вечер. Я не знал, куда они уходили. Не могли же они продолжать работать в таком состоянии и не привлекать внимание.

Дома они отчасти вели себя человечно. Иногда что-нибудь ели, пили воду, посещали туалет и душ. Но они никогда не разговаривали и не отвечали на вопросы.

Помимо всего прочего, родители ни разу не спали и даже не ложились в постель. Ночью мама и папа продолжали ходить по квартире, как призраки. Под ними и пол не скрипел.

Однажды я проснулся и увидел свою мать в приоткрытой двери. У меня чуть сердце не остановилось. Она пугала меня. Раньше на её лице всегда были написаны нервное напря-

жение и усталость, а теперь оно ничего не выражало.

Утром я пораньше отправился на учёбу и столкнулся в лифте с соседом сверху. Мы не общались близко, я знал только, что его зовут Даниил и что он создаёт компьютерные игры. Но он вдруг заговорил со мной, будто приходился мне старшим братом:

– Что у тебя случилось?

– С чего ты взял? – спросил я. – Так заметно?

– Вот именно! Заметно... Макса знаешь? Это мой друг. Он теперь тоже ходит, как убитый. И ничего мне не говорит. Знать бы, что делается с людьми в нашем доме.

Я тоже ему ничего не сказал. По моей вине родители потеряли разум и эмоции. Я словно отдал кому-то их души. Как в таком сознаваться?

Не хотелось возвращаться домой и провести ещё один вечер с зомби-родителями. Мне нужно было попытаться вернуть всё на свои места, уговорить лукавого отдать им души.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.